

DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-141-152
УДК 821.161.1

«Предел кровавому поприщу»: мотив возмездия в повествовании А. Иванова «Вилы»

Пётр Андреевич ГОНЧАРОВ, Павел Петрович ГОНЧАРОВ

ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»

393760, Российская Федерация, Тамбовская область, г. Мичуринск, ул. Интернациональная, 101

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5063-9564>, e-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3343-5281>, e-mail: pascha.gj2015@yandex.ru

“Limit to the bloody field”: retribution in the narrative of A. Ivanov “Pitchfork”

Petr A. GONCHAROV, Pavel P. GONCHAROV

Michurinsk State Agrarian University

101 Internatsionalnaya St., Michurinsk 393760, Tambov Region, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5063-9564>, e-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3343-5281>, e-mail: pascha.gj2015@yandex.ru

Аннотация. Исследована жанрообразующая функция мотива возмездия в документально-публицистическом повествовании А.В. Иванова «Вилы». Актуальность исследования обусловлена вниманием современного литературоведения к историософской и социально-политической проблематике в русской прозе, необходимостью исследования произведений новейшей литературы в её наиболее ярких проявлениях. Целью данного исследования является попытка определения специфики главных «несущих конструкторов» повествования А. Иванова «Вилы» в аспекте доминирующих мотивов произведения. Ведущим способом достижения поставленной цели является сравнительно-исторический метод, дополненный сравнительно-типологическим, интертекстуальным и мифопоэтическим подходами к произведению литературы. В результате проведённого анализа установлено, что в документально-публицистическом повествовании А. Иванова «Вилы» главным жанрообразующим мотивом произведения, организующим всю его структуру от названия до «историй» главных и второстепенных действующих лиц, оказывается мотив возмездия, производные от него и связанные с ним мотивы, оригинально интерпретированные автором. Сделан вывод, что воспроизведённый и трансформированный Ивановым-художником мотив метафизического, трансцендентного возмездия «всем за всё», вопреки предельной обобщённости этого мотива, помогает писателю осмыслить и передать противоречивую сложность исторических событий и участвующих в нём исторических персонажей. Область применения результатов работы – исследование по новейшей литературе, преподавание литературы в высшей и общеобразовательной школе.

Ключевые слова: А. Иванов; «Вилы»; мотив возмездия; сюжетостроение; Пугачёв; казачество

Для цитирования: Гончаров П.А., Гончаров П.П. «Предел кровавому поприщу»: мотив возмездия в повествовании А. Иванова «Вилы» // Нефилология. 2020. Т. 6, № 21. С. 141-152. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-141-152

Abstract. The research investigates the genre-forming function of the motive of retribution in the documentary and journalistic narrative of A.V. Ivanov “Pitchfork”. The relevance of the study is due to the attention of modern literary criticism to the historiographical and social and political problems in Russian prose, the need to study the works of modern literature in its most striking manifestations. The purpose of this work is to try to determine the specificity of the main “bearing constructs” of the narrative of A. Ivanov “Pitchfork” in the aspect of the dominant motives of the work. The leading way to achieve this goal is the comparative and historical method, supplement-

ed by comparative and typological, intertextual and mythopoetic approaches to the work of literature. As a result of the analysis, it was found that in the documentary and journalistic narrative of A. Ivanov "Pitchfork" the main genre-forming motive of the work, organizing its entire structure from the title to the "stories" of the main and secondary actors, is the retribution motive, derived from it and related motives, originally interpreted by the author. It is concluded that the motive of metaphysical, transcendental retribution "to all for everything" reproduced and transformed by Ivanov the artist, despite the extreme generality of this motive, helps the writer to comprehend and convey the contradictory complexity of historical events and historical characters involved in it. The field of application of the work results are researches on the latest literature, teaching literature in higher and secondary schools.

Keywords: A. Ivanov; "Pitchfork"; retribution motive; plot-building; Pugachev; Cossacks

For citation: Goncharov P.A., Goncharov P.P. «Predel krvavomu poprishchu»: motiv vozmездiya v povestvovanii A. Ivanova «Vily» ["Limit to the bloody field": retribution in the narrative of A. Ivanov "Pitchfork"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 21, pp. 141-152. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-21-141-152 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Вилы – обычное орудие созидательного крестьянского труда, которое в обстоятельствах, сопряжённых с народным гневом, превращается в опасное оружие, в орудие простонародного возмездия. «Вилы в бок» в русском фольклоре – не нуждающаяся в комментариях метафора. В солдатском жаргоне 1980–1990-х гг. «вилы» также наряду с «верёвками», «вешалками» – именование предстоящих реальных тягот армейской службы для молодых солдат-призывников. В арго и сленге некоторых социальных групп вилы – «высшая мера наказания» («ему дали вилы»); «выражение досады, раздражения» [1, с. 60]. «Вилы» частично созвучно давно укоренившимся в фольклоре и литературе понятиям «красный петух», «дубина народной войны». Название документально-публицистического повествования «Вилы» (2016) А. Иванова о пугачёвском восстании включает в себе все эти и дополнительные коннотации, связанные с выработанной писателем собственной концепцией и русской истории и пугачёвского бунта. Склонность к названиям, заключающим в себе не только суть, но и эмоциональную оценку изображаемого явления, вероятно, является одним из отличительных свойств выработанного писателем стиля. Ближе всего к «Вилам» (хронологически – тоже) оказывается здесь «Ненастье», но недалеко и названия других ивановских произведений: «Общага-на-Крови», «Блуда и МУДО», «Псоглавцы», «Сердце пармы» и т. д.

Целью данной статьи является попытка определения специфики главных «несущих конструкторов» повествования А. Иванова

«Вилы» в аспекте доминирующих мотивов произведения. Ведущим способом достижения поставленной цели должен стать сравнительно-исторический метод, дополненный сравнительно-типологическим, интертекстуальным и мифопоэтическим подходами к произведению литературы. На наш взгляд, в документально-публицистическом повествовании А. Иванова «Вилы» главным жанрообразующим мотивом произведения, организующим всю его структуру от названия до «историй» главных и второстепенных действующих лиц, оказывается мотив возмездия, производные от него и связанные с ним мотивы, оригинально интерпретированные автором.

Условимся, что под мотивами здесь, как и в предыдущей нашей работе о прозе А.В. Иванова [2], имеются в виду обозначенные А.Н. Веселовским «неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки» [3, с. 301], причём «признаки общности и повторяемости» [3, с. 305] являются для нас одинаково важными. Известно, что В.Я. Пропп определил мотив как «неразлагаемую единицу повествования» [4, с. 15]. Прежде всего в этом значении (первозлемент, с помощью которого строится конкретное произведение словесного искусства) понятие «мотив» нами используется здесь и далее.

В отличие от других произведений А. Иванова, получивших серьёзные отклики [5–9], «Вилы» не получили сколько-нибудь значимого анализа в критике и литературоведении и лишь попутно затрагиваются в отдельных рецензиях и статьях, посвящённых другим произведениям этого автора [10–11].

Между тем, как нам представляется, «Вилы» являют собой важный этап в становлении и эволюции историософии писателя, в развитии создаваемой им оригинальной жанрово-стилевой системы.

Для А. Иванова сам пугачёвский бунт и многие его последствия уже и есть возмездие многим его «действующим лицам». В изображении писателя пугачёвский бунт является возмездием империи, её высшей бюрократии, «элиты», дворянству за нежелание совершенствовать правление, за косность, несправедливость в отношении казачества, крестьянства, заводских рабочих, иных «низших сословий», а также в отношении башкир и других «инородцев». «Созревание элиты в России запоздало, потому что для дворянства не было стимула исполнять свою миссию. Дворянству и без миссии было комфортно: страна лидировала на мировых рынках, деньги текли рекой. Несовпадение целей элиты и нации – извечная драма России. В расцвете царствования Екатерины потребность нации в элите оказалась куда выше, чем потребность элиты в нации. И в этот зазор эволюций прорвался буран казачьей пугачёвщины» [12, с. 18]. Наполнение текста рассуждения понятиями XX–XXI веков (элиты, миссия, мировые рынки, нация, эволюция, комфорт и т. п.) не представляется в данном случае стилистическим анахронизмом. Хотя понятийный исторический анахронизм здесь усмотреть можно – глобализация в XVIII веке вряд ли достигла такого уровня, что можно рассуждать о «мировом рынке». Но в целом это скорее попытка горького прозрачного намёка, трагической аллюзии, сближения ситуации конца XVIII столетия с социально-политическими реалиями современной эпохи.

Заметим, что возложение ответственности за политические провалы на «элиту» стало общим местом современной литературы вне зависимости от направления мыслей составляющих её писателей, от изображаемой эпохи. Так, «государственник» З. Прилепин, в истолковании О.В. Нарбековой и С.В. Начёрной, близок к мысли о том, что «нам надо совершить усилие и сменить сегодняшнюю элиту» [13, с. 341]. Забегая вперёд, заметим здесь, что и А.В. Иванов, видимо, не был бы против, если бы два с половиной века тому

назад «сменили» и все другие составляющие народ России сословия. Ибо ни одно из них не оценило в полной мере «идею свободы», а приняло навязанную недостойной «элитой» «идею империи».

У «элиты», по логике современной социологической мысли, непременно есть «лидер». В качестве такого «лидера» российской элиты А. Иванов видит Екатерину II. В отличие от Пугачёва, Михельсона, Панина, Салавата Юлаева и других Екатерина Великая не становится в ряд главных героев повествования, это скорее скрытый за другими персонажами «лидер», функция которого, однако, оказывается значимой – и как лидера элиты, и как провоцирующей бунт исторической фигуры. В изображении А. Иванова пугачёвский бунт есть возмездие и Екатерине II – за узурпацию власти, за свержение законного государя (именно поэтому появляется его «двойник» – самозванный «государь Пётр Федорович»).

Интересно, что почти два столетия назад, на неостывшем ещё пепелище недавней пугачёвщины, А.С. Пушкин, законно примеряя мантию стремящегося к объективности учёного-историка, о самозванстве Пугачёва повествует безоценочно. И, вероятно, не только потому, что пишет историю: «незнакомец, оставшись у Кожевникова, объявил ему, что он император Пётр III, что слухи о смерти его были ложны» [14]. Пушкинский «самозванец» – якобы живой Пётр III – преподносится читателю как явление экстраординарное, но вполне достоверное, без всякого намёка на сверхъестественную трансформацию. Намёк на метаморфоз будет явлен читателю в «Капитанской дочке» (буран, во время которого происходит знакомство главного героя с «вожатым»), но в «Истории Пугачёва» Пушкин избегает отсылок к инфернальному. В «Истории Пугачёва» Пушкин пытается сохранить научную объективность, в «Капитанской дочке» даёт волю фантазии, и это выглядит в наши дни как эталон различных повествовательных стратегий.

В документально-публицистическом повествовании «Вилы» А. Иванов пытается соединить две трудносоединимые сферы: документально-историческую и публицистически-художественную. Результатом такого соединения далеко не всегда оказывается

феномен в полном смысле этого слова художественного произведения. Для А. Иванова «удвоение», явление самозваного двойника, равно явлению нечистой силы, затем этот мотив будет писателем развит в «Тоболе» (две абсолютно похожие друг на друга сёстры-остячки). Но то, что в рамках романа на историческую тему выглядит как украшение и усложнение сюжета (мотив двойничества), в рамках документально-публицистического повествования выглядит как инородное тело.

Заметим здесь, что определенную долю «самозванства» придаёт «матушке-государыне» и А.С. Пушкин. «Императрица изъявила казанскому дворянству монаршее благоволение, милость и покровительство, и в особом письме к Бибикову, именуя себя казанской помещицей, вызывалась принять участие в мерах, предпринимаемых общими силами» [14]. Вероятно, в этом «благородном» самозванстве Екатериной II руководила не только сословная, но просто человеческая солидарность с уничтожаемым дворянством, отсюда её попытка ассоциировать себя с «региональной элитой» Урала и Поволжья, попытка основательная, но от того не менее «самозванная», произвольная. Во времена, близко отстоявшие от пугачёвщины, знаток народного просторечия и устной традиции В.И. Даль давал следующее определение самозванцу: «Самозванец <...> принявший чужое имя или звание, утаившийся под видом иного человека, выдающий себя за кого-либо иного. Все бывшие на Руси возмущения происходили от самозванцев, которым часть народа верила, или от заступничества народа за мнимо истинного и законного государя». Характерно, что здесь же приводится определение понятию «самозванный», в котором мы не находим отрицательных коннотаций: «Самозванный церк. влекомый к чему призыванием своим» [15, с. 133]. Однако «призвание» соблазнять волей, привилегиями, справедливостью, счастьем через кровопролитие, иными мнимыми или реальными благами вряд ли имеется в виду в приведённых нами далевских определениях.

Устроенный самозванцем бунт завершился для его предводителя казнью. Жестокость этой казни вряд ли превосходит жестокость самого Пугачёва, обрекшего на уничтожение всё дворянское сословие империи.

Казнь Пугачёва в изображении А. Иванова есть возмездие ему за самозванство, за соблазнение малых сих правами, свободой, справедливостью, привилегиями.

А. Иванов, не принимая «кровожадности» и Емельяна, и его противников, далёк от однозначного истолкования и Пугачёва, и его казни. «Над современной Болотной площадью в Москве <...> содрогается последний отчаянный крик Емельяна Пугачёва: «Прости, народ православный!» В чём каялся великий русский грешник? В своей дерзости? Или в своём поражении?» [12, с. 364]. Упоминание «современной Болотной площади» делает повествование на историческую тему вполне современным, приближает его к актуальным социально-политическим проблемам и процессам.

Характерно, что А.С. Пушкин в «Примечаниях к главе восьмой» «Истории Пугачёва» проводит параллель между казнью Пугачёва и Разина, создавая прозрачную аллюзию на трагическую повторяемость событий в русской истории: «Подробности сей казни разительно напоминают казнь другого донского казака, свирепствовавшего за сто лет перед Пугачёвым почти в тех же местах и с такими же ужасными успехами» [14]. Этот намек развит А. Ивановым, он нарочито сближает пугачёвщину с событиями начала XX века – с революцией и гражданской войной, давая, вероятно, понять, что события подобного рода готовы стать трагической закономерностью катастрофической истории России.

А. Иванов вслед за Пушкиным делает Михельсона предметом авторской привязанности и одновременно орудием возмездия Пугачёву, да и всем виновникам и участникам бунта. В этом видится явное дыхание новейшей общественной и литературной эпохи, как в своё время у С. Есенина в его симпатиях к Хлопуше – примкнувшему к восставшим каторжнику, посланному убить самозванца. Пристрастия «властителей дум» часто оказываются обусловлены общественными настроениями эпохи, а не наоборот.

Возмездие в повествовании А. Иванова адресовано и всему русскому народу, точнее – «простонародью»: яицким казакам, русским крестьянам, уральским рабочим, даже части священнослужителей – «попам». А. Иванов заявляет о себе как о человеке верующем, но

«невоцерковлённом» [11]. Антиклерикальные пристрастия А. Иванова в образе «попов»-бунтовщиков реализовались в повествовании «Вилы» предельно ярко. «Губернатор Денис Чичерин в письме генералу Деколону желчно объяснил истоки бунта: «Всему причиною пьяные наши попы» <...> Неукротимый поп Антонов из Курганской слободы <...> за чином атамана стогнал под Оренбург к Пугачёву, вернулся и взбаламутил три слободы. Бунтовских попов и вправду оказалось много: каждый пятый из пойманных мятежников» [12, с. 192]. Пугачёвщина и последовавшая за ней расправа в осмыслении А. Иванова есть возмездие пугачёвцам, да и всему народу за легковерие, за легкомыслие, за сомообольщение, за отдание себя соблазну, за предание себя в волю соблазнительей.

В своём документально-публицистическом повествовании А. Иванов считает для себя возможными и геополитические обобщения и инвективы. Пугачёвщина для России в целом – возмездие за традиционно несправедливое устройство общества, государства. Последнее придаёт повествованию упреждающе-пророческое звучание на фоне противоречий и напряжений современного общества. «Пугачёвщина была бунтом нации против бесчестной знати» [12, с. 153]. Правда, и в этом горьком признании современный прозаик вряд ли чувствует себя первооткрывателем проблемы. А.С. Пушкин в «Истории Пугачёва» так воспроизводит эпизод допроса «казака Зимовейской станицы»: «Маврин допросил самозванца. Пугачёв с первого слова открылся ему. «Богу было угодно, – сказал он, – наказать Россию через моё окаянство» [14]. Характерно, что эту трагическую сентенцию Пушкин вкладывает в уста Пугачёва. В отличие от А.С. Пушкина А. Иванов и «приговоры», и размышления по их поводу «доверяет» лишь себе.

Мотив рокового возмездия предельно актуален для всего творчества А. Иванова. Он (переплетаясь с созвучным, но неравным ему мотивом заурядной человеческой мести) составляет фабулы «Ненастья» и «Тобола», является сюжетообразующим в «Общеге-на-Крови», в «Сердце пармы», в романе «Блуда и МУДО», в ряде глав «Ё-бурга», в других произведениях. В «Вилах» этот мотив дости-

гает трансцендентного звучания и наивысшей силы из-за темы и материала и, вероятно, из-за апокалиптической концепции истории. В самом понятии «возмездия» в отличие от «мести» живо представление о превосходящей, стоящей уровнем выше силе, возвращающей злодею зло, им ранее совершенное. Вероятно, эту возвышенность, некую «надмирность» придаёт осмысляемому А. Ивановым феномену и форма слова его обозначающего, содержащая в себе старославянскую морфему «воз», сближающую его с такими понятиями, как воздаяние, вознесение, воскресение, восстание, возмущение и т. п.

Мотив возмездия в «Вилах» соседствует и переплетается с мотивом рока, точнее, возмездие воплощается в образ, во многом олицетворяющий собой неотвратимый рок – «деташемент Михельсона». В пушкинской «Истории Пугачёва» Михельсон присутствует во многих эпизодах и во многих случаях, и является едва ли не самым активным преследователем самозванца. «Окрестности были пусты. Михельсон ни от кого не мог узнать о стремлении неприятеля. <...> Многочисленная толпа мятежников неожиданно окружила его обоз и напала на пехоту. Сам Пугачёв ими предводительствовал, успев в течение шести дней близ Саткинского завода набрать около пяти тысяч бунтовщиков. Михельсон прискакал на помощь; он послал Харина соединить всю свою конницу, а сам с пехотою остался у обоза. Мятежники были разбиты и снова бежали. Тут Михельсон узнал от пленных, что Пугачёв имел намерение идти на Уфу. <...> Михельсон быстро напал на него и снова разбил и прогнал» [14]. Но подобная основанная на документах «активность» Михельсона, воспроизведённая Пушкиным-историком, не выглядит как целенаправленный литературный приём. Даже и встречи самозванца с Михельсоном не выглядят у Пушкина таящими в себе физическую угрозу: «Пугачёв в первый раз увидел перед собою того, кто должен был нанести ему столько ударов и положить предел кровавому его поприщу» [14].

Несколько иначе выглядит нагнетание «вездесущности» Михельсона в повествовании А. Иванова. Вероятно, это проистекает из жанровой специфики документально-публицистического повествования. В пуш-

кинской «Истории», содержащей ссылки на документы и примечания к каждой из «осей» глав, создается ощущение эпически уравновешенного, ориентированного на объективированный научный стиль, изложения судьбы пугачёвского бунта. И именование бунтовщиков «разной сволочью», имеющее место во многих фрагментах «Истории», это эпическое спокойствие нарушает мало. В отличие от А.С. Пушкина публицистическое начало повествования А. Иванова «Виль» вполне способно вместить в себя художественный приём нагнетания, акцентирования «вездесущности» «деташемента Михельсона», что придаёт образу Михельсона, мотиву возмездия, осуществляемому его руками, сверхъестественные черты и свойства.

«Ни Пугачёв, ни Михельсон не подозревали, что они ещё много раз сойдутся друг с другом в жестоких сражениях. Не подозревали, что деташемент будет гнаться за «разбойной толпой» ещё тысячи вёрст. Что небольшой спецотряд окажется для бунтовщиков опаснее регулярных армий. Никто не мог знать, что в конце концов на нижней Волге под Царицыном – далеко-далеко от Урала! – войнство Пугачёва разгромит не важные генералы с орденами, а вот этот упрямый подполковник» [12, с. 244]. Михельсон – олицетворённый рок и возмездие Пугачёву, его преследование методично, немногочисленная воинская команда всесильна, ибо он олицетворяет собой регулярно-неотвратимую, беспощадную силу государства. Его возмездие неизбежно, ибо он олицетворяет собой неумолимый рок.

А. Иванов делает Михельсона главным погубителем Пугачёва, но здесь он следует и за действительностью, и за А.С. Пушкиным: «Мы оставили Михельсона неумоимо преследующим опрометчивое стремление Пугачёва. <...> Около трёх тысяч вышли навстречу Михельсону. Он их разбил и отрядил Дуве противу шайки башкирцев, находившихся не в дальнем расстоянии. Дуве их рассеял. Михельсон пошёл на Осу и, 27 июня разбив на дороге толпу башкирцев и татар, узнал от них о взятии Осы и о переправе Пугачёва через Каму. Михельсон пошёл по его следам» [14]. Но если у Пушкина Михельсон «соседствует» с Дуве, с другими карателями, носящими иные явно иностранные фамилии,

то у А. Иванова Михельсон не делит славу практически ни с кем, разве что с Паниным, пожинаящим чужие плоды победы над самозванцем. Описания столкновений Михельсона с Пугачёвым, разнясь в деталях, связанных с датами и географическими реалиями, в целом звучат у А. Иванова подобно рефрену: «Пугачёв рвался к Астрахани, к Каспию и на Кубань. А преследовал Пугачёва один лишь деташемент Михельсона. Посреди огромной приволжской степи Пугачёв и Михельсон наконец нашли друг друга. Им надо было ответить на тот вопрос, который был задан ещё на далёком Урале, на Лунной реке: кто кого? И судьба словно бы освободила пространство для ответа, для главной битвы [12, с. 549-550].

Обладая немецкой фамилией, Михельсон олицетворяет в повествовании А. Иванова, помимо прочего, роковую же безликость, «удалённость» и отчуждённость от русского народа российской бюрократической системы, да и всего государственного устройства. Вероятно, и поэтому фамилия и деяния Михельсона созвучны прозвищу и функции главного персонажа романа «Ненастье» – тоже (вряд ли по совпадению?) «немца». Герман Неволин – полное имя главного героя, нескладного, не по-русски дисциплинированного, но по-русски совестливого, бывшего воина-«афганца». Ему достаётся возмездие по отношению к главному злодею «Ненастья» – Виктору Басунову. Но он, как и захвативший самозванца Михельсон, казни не совершает, он только подводит злодея к ней, предаёт злодея в руки тех, кто тоже олицетворяет собой неотвратимый рок.

С другой стороны, «судьба», рок – явления иномирные, инородные по отношению к изображаемому материалу. Представление о сверхъестественной силе судьбы, рока изначально присуще сознанию русского человека: «От судьбы не уйдёшь. Никто от своего року не уйдёт» [16, с. 40], – суждения подобного рода во множестве запечатлены не только В.И. Далем. А.Н. Афанасьев после многочисленных и убедительных экскурсов в мифологию утверждал: «<...> славяне, подобно другим индоевропейским племенам, признавали судьбу таинственным, всемогущим существом, с царственной над всем ми-

ром властью и с божественным характером. Они называли её Судом Божиим» [17, с. 186].

О «прозаической», приземлённой форме иномирности и инородности по отношению к изображаемому миру «кричит» и немецкая фамилия командира «спецотряда», и (частью!) состав его «деташемента»: поляки, башкиры. «Михельсон набрал себе русских солдат-добровольцев, пленных польских шляхтичей, которые у себя на родине поднимали мятеж против российского засилья, и башкирских тарханов, которые подавляли этот мятеж» [12, с. 244]. В этом элементе сюжета тоже имеет место трансцендентный мотив двойничества, «оборотничества»: бунт самозванца подавляют те, кто сам повинен в «самозванстве» (Екатерина II) или часто выступали в качестве бунтовщиков и недругов России (немецкая фамилия командира здесь как никогда «подошла» к концепции истории А. Иванова, а о бунтах поляков и башкир против российского государства писатель не устаёт напоминать).

В целом «Вилы» следуют пушкинской традиции в изображении бунта, часто развивают, хотя иногда корректно, но жёстко отрицают её. Уже в аннотации к повествованию звучит отсылка к Пушкину: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный». Однако далее следует комментарий: «Слова прекрасные, но неверные. Русский бунт вовсе не бессмысленный. Далеко не всегда беспощадный». Представляется, что недаром в книге акцентируется деталь, что Пушкин «убрал из романа главу с этими словами» [12, с. 4]. Вероятно, А. Иванов полагает, что бунт, революция есть природное право загнанного в невыносимые условия народа, есть вынужденная попытка выжить, спасти свою жизнь в крайних обстоятельствах.

Свобода, равенство, братство, как святыни Великой французской революции, не потеряли, вопреки логике повествования, своей притягательности для автора «Вил». Живописуя ужасы бунта, А. Иванов остаётся под обаянием идеи свободы. Неслучайно, отвергая концепцию «воровства», истолкованную им вопреки значению слова в XVIII веке как «криминал», как «войну черни против знати», не принимая концепцию пугачёвщины как «борьбу эксплуатируемых против экс-

плуататоров», отмечая конспирологические доктрины, автор повествования «Вилы» всё же пытается найти одну «всё объясняющую» идею, некий «универсум», подобный, вероятно, господствовавшей в предшествующую эпоху идее «классовой борьбы».

В качестве реализации этой «универсальной», в основе своей либеральной, идеи А. Иванов пытается представить восстание на Урале и в Поволжье как «борьбу за идентичность» различных этносоциальных групп этого региона, борьбу, активированную и актуализированную самозванством Пугачёва. Но, уверенно определяя идентичность как «систему ценностей» [12, с. 9], А. Иванов тут же впадает в «лёгкость» при характеристике «идентичности» уральского казачества: «Например, степь. В России степи – жаркое и плодородное поречье на южной границе. Наиболее эффективно осваивать эти территории могли хуторские и станичные хозяйства. Такой способ освоения сформировал социумы – казачьи войска. И у них казачья идентичность: тип жизнеустройства, характерный только для казаков» [12, с. 10]. «Система ценностей» – нечто, определяющее положение человека, группы людей, их сущностей, между добром и злом, неожиданно оказывается лишь «типом жизнеустройства», понимаемого к тому же по сути весьма приблизительно. При цитированной выше характеристике «казачьей идентичности» в воображении читателя ивановского повествования возникнет, весьма вероятно, образ пахаря, подобного Пантелею или Петру Мелеховым, но из восемнадцатого столетия, держащего под рукой, наготове осёдланного коня и воинскую амуницию. В другом эпизоде повествования А. Иванов ещё более категоричен: «Пугачёв был казак, а казак – сразу воин и крестьянин» [12, с. 202]. – Публицистическая категоричность делает концепцию повествования логически последовательной, но уязвимой, поскольку это утверждение во многом является осовремениванием и аберрацией сознания Иванова-этнографа. К изображаемому образу жизни («сразу воин и крестьянин») русское казачество в семидесятые годы восемнадцатого столетия ещё только шло. Насколько пройден был этот путь – вопрос предельно сложный. Однако существуют вещи установленные. Так, историк

А.М. Дубовиков утверждает: «Экономический уклад Уральского казачьего войска отличался уникальностью. Рыболовство в нём всегда играло более важную роль, чем хлебопашество» [18, с. 64].

В этой же статье нам показалось не менее важным и иное утверждение: «Хлебопашество в Уральском войске зародилось позже рыболовства и скотоводства, долгое время оно не играло существенной роли в войсковой экономике. Несмотря на то, что во второй половине XIX века его значение существенно возросло, оно по-прежнему играло второстепенную роль. Для большинства казачьего населения оно даже не было основным хозяйственным занятием» [18, с. 65]. Поэтому делать вывод об яицком (как и донском!) казаке 1770-х гг. как «сразу воине и крестьянине» со стороны Иванова-историка – излишняя смелость. Но, вероятно, это «ведомо» Иванову-художнику: в его повествовании яицкие казаки из всего «плодородия» Южного Урала используют для своего прокормления только рыбную ловлю.

Есть и другие основания для возражений Иванову-историку. По каким-то причинам религиозно-конфессиональный фактор среди причин небывалого размаха пугачёвского восстания им затрагивается лишь мимоходом. Между тем, по утверждению цитированного уже исследователя, «в Уральском войске старообрядцы составляли более 90 % казачьего населения» [18, с. 49]. К тому же без специальных исследований известно, что примкнувшие к Пугачёву башкиры исповедовали ислам.

Яицкое казачество, будучи в первой половине XVIII века сословием не столько «пахотным», сколько «служилым», которому государство за пограничную воинскую службу поставляло «прокорм» и «припас», жаждало государственного «жалованья», а по правительственным распоряжениям середины и второй половины XVIII века лишь часть их оказалась в положении «жалованных» и «полужалованных», а остальные оказались и вовсе вне государственной службы. Не это ли стало одной из причин восстания? А. Иванову анализировать эти и другие связанные с ними вопросы мешает одержимость идеями борьбы за «идентичность» и «свободу».

Парадоксально, но художнику сложнее пренебречь исторической достоверностью, чем автору чётких, логически выстроенных концепций. Вероятно, у публициста В. Шукшина велик был соблазн увидеть в Разине крестьянские черты, но Шукшин-художник, Шукшин-«деревенщик» («Я пришел дать вам волю») этот соблазн отверг, сделав героя предводителем забывшей о сохе крестьянской голытьбы и разбойной казачьей вольницы. «Казачья идентичность», подобно идентичности дворянской, в России смогла сформироваться не столько в параллель, тем более не как альтернатива идентичности крестьянской, но лишь как часть имперского государственного устройства с чётким словесным «разделением труда». Эта идентичность не могла быть исторически статичной, и чем больше казак (либо «смерд», «холоп», «однодворец», бывший «дворовый человек», «слобожанин» и т. п.) становился землепашцем, тем более он становился крестьянином – именно на этом этапе развития «казачьей идентичности» сосредоточено внимание шолоховского «Тихого Дона». А. Иванов в данном случае, объявляя «борьбу за идентичность» этносоциальных групп Урала и Поволжья против своеволия имперской бюрократии едва ли не единственным мотивом борьбы практически всех сословий времени пугачёвского бунта, выступает не как оригинальный художник, а скорее как представитель «пермской политологической школы», с её «теориями идентичности», с готовностью отбросившей ранее использовавшийся как универсальный мотив «классовой борьбы» и заменивший его идеей «борьбы за идентичность», по сути – за верность «ценностным ориентирам» этносоциальных групп, за собственную «самость».

Причём борьба за идентичность А. Ивановым понимается как борьба с бюрократическими извращениями всеильной государственной машины, эту идентичность попирающей. В финале повествования А. Иванов задаётся вопросом о причинах поражения восстания: «вечная русская загадка: отчего же у нас не получается?..» Ответ Иванова-историка однозначен: «Его одолела идея империи» [12, с. 565-566]. Далее – разъяснение: «Империя всегда объединяет разные идентичности. Но чем? Тем, что в империи цен-

ности по идентичности всегда важнее свободы» [12, с. 566]. Если продолжить эту ивановскую мысль, то только «недооценка» идеи свободы помешала самозванцу и его «сотоварищам» сокрушить объединяющую и нивелирующую идентичности «империю» и её недостойную власти дворянскую «элиту». Автор «Вил», вероятно, и не задумывается о том, что иное устройство государства помимо империи для России вряд ли возможно и чревато гибелью самой государственности, не говоря уже об его «элитах».

Однако даже явные сторонники глобализации, мягко отрицающие роль национального государства, и в наши дни оставляют за «элитами» функции, отрицаемые А. Ивановым. Так, А.П. Кочетков утверждает: «При всех вариантах изменения роли и функций национального государства в современном мире нельзя забывать, что государство – это уникальный исторически сложившийся политический институт, характеризующийся: а) наличием особой группы людей, осуществляющей верховную власть, делегированную ей большинством общества, и выполняющей функции управления общими делами; б) монополией на принуждение в отношении своих граждан в интересах всего общества» [19, с. 70]. «Империя» как форма государственности, нивелирующая «идентичности», отсутствие свободы («неволя»), – главные мишени и либерального направления мысли, и автора книги «Вилы».

Интересно, что борьба за «идентичность», «делегированная» А. Ивановым самозванцу Пугачёву, им же признана обречённой на поражение: «Емельян сделал ставку на идентичность: хотел дать каждому своё. Казакам – круг, раскольникам – бороду, башкирам – горы. Но от этого армия Пугачёва рассыпалась на несвязанные отряды и банды» [12, с. 567]. Отрицая советские клише об обреченности всех крестьянских войн из-за их анархического «мелкобуржуазного» характера и отсутствия союза с «рабочим классом», А. Иванов готов воспроизвести их в иной форме, где сожаление об отсутствии «революционного авангарда» меняется на сожаление о слишком запоздалом понимании предводителем бунта главных либеральных ценностей: «Емельян успел понять, в чём роковая причина разброда. Из Саранска он

объявил свободным любого человека в России. И символично, что памятник Емельяну Пугачёву стоит только в Саранске. Именно Емельяну Пугачёву, а не великому русскому бунту. Но в Саранске было уже поздно. Инерция идентичностей пронесла бунт Пугачёва мимо победы» [12, с. 567-568]. Почему-то в финале повествования, вспоминая о саранском «манифесте» Пугачёва, А. Иванов забывает упомянуть, что одновременно со «свободой» для крепостных самозванец звал к истреблению всего дворянства – реальной (другой не было!) «элиты» русского государства конца XVIII столетия. Может быть, потому, что это «напоминание» придаёт идее свободы не вполне презентабельное звучание? Да и в реализации ли самых красивых идей заключена цель жизни многих уже ушедших поколений? Так, старший современник А.С. Пушкина, мудрый баснописец И.А. Крылов находит смысл сосуществования русских традиционных сословий в решении совсем иных задач: «Каждый, будь то царь или крестьянин, должен лишь умело и честно делать своё дело, и тогда великие и малые частные труды сольются вместе и совпадут с общим *ходом жизни, преследующим не какую-то заранее навязанную умозрительную цель, а вполне реальную – упразднение зла и пороков ради полноты живой жизни и естественности её проявлений*» [20, с. 6]. При этом возникает закономерно мысль о том, что не навязывает ли Иванов-публицист, а если навязывает, то в какой мере, свои собственные идеи персонажам русской истории? Если да, то автора «Вил» надлежит, вероятно, отнести к числу тех мыслителей, кто, перефразируя слова знаменитого философа пушкинской эпохи П.Я. Чаадаева, «свои теории приняли за истинную политику страны» и её деятелей [21].

Итак, создатель художественного мира «Сердца пармы», «Ненастья» и «Тобола» увидел обоснованность и ценность, закономерность многих, причём самых разных путей поиска смысла жизни человека и социума, поиска своего пути к истине. Политический публицист А.В. Иванов свою (популярную в 1990–2000-е годы) теорию борьбы за идентичность и родственную, но конфликтующую с ней, теорию борьбы за политические свободы, видимо, принял за истинные

цели Пугачёва на разных этапах бунта. Сведение сложного периода русской истории, как и характера неоднозначного лидера бунта, к одной–двум даже самым «актуальным» социальным идеям влечёт за собой схематизм восприятия и осмысления действительности, схематизм, удаляющий от художественности.

Естественно, оснований пугачёвского бунта можно отыскать множество, и мы, сознательно уклоняясь от полемики с автором «Вил», не берёмся утверждать, какое из них главное. А. Иванов, следуя своей логике, настаивает на «борьбе за идентичность» как основании главном, и борьбе за «свободу» как основании, недооцененном Пугачёвым. Недооценка этого основания, по логике А. Иванова, и привела к поражению восстания. Нам ближе мысль об иррациональной и беспримерной сложности мотивов (оснований, причин, поводов, целей) пугачёвского

бунта, среди которых трансцендентное возмездие не является факультативным.

Об истинных целях очередного русского самозванца мы можем не только догадываться — хаос и разрушение, межэтнические столкновения, угроза гибели целых сословий и государства не могут быть сведены к борьбе за идентичность, за политическую свободу или к утверждению иных либеральных ценностей. Не могут даже и две «красивых» социальных идеи исчерпывать суть целого этапа русской истории. Но воспроизведенный и трансформированный Ивановым-художником мотив метафизического, трансцендентного возмездия «всем за всё», содеянное при их участии зло, вопреки предельной обобщённости этого мотива, помогает писателю осмыслить и передать всю противоречивую сложность исторических событий и участвующих в нём исторических персонажей.

Список литературы

1. Никитина Т.Г. Так говорит молодёжь: Словарь сленга. По материалам 70–90-х годов. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 592 с.
2. Гончаров П.А., Гончаров П.П. Много званных: мотив соблазна в романе А.В. Иванова «Тобол» // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 314–318.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 404 с.
4. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001. 143 с.
5. Еришов М.Ф. Не слишком ли мутна вода в «Тоболе»? К выходу в свет нового романа Алексея Иванова // Вестник угроведения. 2017. № 2 (29). С. 158–161.
6. Зырянов А.И. Глобус, Парма и Тобол (о писателе Алексее Иванове как географе) // Географический вестник. 2017. № 3 (42). С. 43–47.
7. Казначеев С. Но мало избранных // Литературная газета. 2017. № 4.
8. Никольский Е.В. Опыт современного эпоса: роман Алексея Иванова «Общага-на-Крови» // Пушкинские чтения – 2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы 22 Междунар. науч. конф. СПб.: Ленинград. гос. ун-т им. А.С. Пушкина, 2017. С. 119–131.
9. Сироткина Т.А. Этнические образы ханты и манси в региональной художественной литературе // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 2. С. 279–285.
10. Володихин Дм. «Мало избранных» (А. Иванов «Тобол») // Дружба народов. 2017. № 7.
11. Володихин Дм. Две России. Политика и вера в романе А. Иванова «Тобол: Мало избранных» // Дружба народов. 2018. № 5.
12. Иванов А.В. Вилы. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. 574 с.
13. Нарбекова О.В., Начёрная С.В. Осмысление российской действительности в сборнике 3. Прилепина «Летучие бурлаки» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 336–342.
14. Пушкин А.С. История Пугачёва. URL: <https://rvb.ru/pushkin/01text/08history/01pugatchev/1063.htm> (дата обращения: 02.08.2019).
15. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1980. Т. 4. 683 с.
16. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 383 с.
17. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Современный писатель, 1995. Т. 3. 415 с.

18. Дубовиков А.М. Уральское Казачье войско как военно-административная единица и историко-культурный феномен дореволюционной России // Казачество. 2015. № 9. С. 42-68.
19. Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 63-75.
20. Коровин В.И. Поэт и мудрец. К 250-летию со дня рождения И.А. Крылова // Литература в школе. 2019. № 6. С. 2-8.
21. Чаадаев П.Я. Отрывки и разные мысли (1828–1850-е гг.). URL: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p/j/text_0110.shtml (дата обращения: 02.08.2019).

References

1. Nikitina T.G. *Tak govorit molodezh': Slovar' slenga. Po materialam 70–90-h godov*. [So Speaks the Youth: Dictionary of Youth Slang. Based on the Materials of the 70–90s]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998, 592 p. (In Russian).
2. Goncharov P.A., Goncharov P.P. *Mnogo zvanykh: motiv soblazna v romane A.V. Ivanova «Tobol»* [Many are called: motive of temptation in A.V. Ivanov's novel "Tobol"]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 314-318. (In Russian).
3. Veselovskiy A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989, 404 p. (In Russian).
4. Propp V.Y. *Morfologiya volshebnoy skazki* [Morphology of the Folktale]. Moscow, Labirint Publ., 2001, 143 p. (In Russian).
5. Ershov M.F. *Ne slishkom li mutna voda v «Tobole»? K vykhodu v svet novogo romana Alekseya Ivanova* [Is not too muddy water in the "Tobol"? To the release of a new novel by Alexey Ivanov]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*, 2017, no. 2 (29), pp. 158-161. (In Russian).
6. Zyryanov A.I. *Globus, Parma i Tobol (o pisatele Alekseye Ivanove kak geografe)* [Globus, Parma and Tobol (About the writer Alexei Ivanov as a geographer)]. *Geograficheskii vestnik – Geographical Bulletin*, 2017, no. 3 (42), pp. 43-47. (In Russian).
7. Kaznacheyev S. *No malo izbrannykh* [But few are chosen]. *Literaturnaya gazeta – Literary Newspaper*, 2017, no. 4. (In Russian).
8. Nikolskiy E.V. *Opyt sovremennogo eposa: roman Alekseya Ivanova «Obshchaga-na-Krovi»* [Experience of modern epos: works by Alexey Ivanov "Obshchaga-na-Krovi"]. *Materialy 22 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Pushkinskiye chteniya – 2017. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst»* [Proceedings of the 22 International Scientific Conference "Pushkin Readings – 2017. Artistic Strategies of Classical and New Literature: Genre, Author, Text"]. St. Petersburg, Pushkin Leningrad State University Publ., 2017, pp. 119-131. (In Russian).
9. Sirotkina T.A. *Etnicheskiye obrazy khanty i mansi v regional'noy khudozhestvennoy literature* [Ethnic images of the mansi and khanty in regional fiction]. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 279-285. (In Russian).
10. Volodikhin Dm. *«Malo izbrannykh» (A. Ivanov «Tobol»)* [“Few are chosen” (A. Ivanov “Tobol”)]. *Druzhba narodov – Friendship of Nations*, 2017, no. 7 (In Russian).
11. Volodikhin Dm. *Dve Rossii. Politika i vera v romane A. Ivanova «Tobol: Malo izbrannykh»* [Two Russias. Politics and Faith in the Novel by A. Ivanov "Tobol: There are Few Chosen"]. *Druzhba narodov – Friendship of Nations*, 2018, no. 5 (In Russian).
12. Ivanov A.V. *Vily* [Pitchfork]. Moscow, AST Publ., Elena Shubina Editorial, 2017, 574 p. (In Russian).
13. Narbekova O.V., Nachyornaya S.V. *Osmysleniye rossiyskoy deystvitel'nosti v sbornike Z. Prilepina «Letuchiye burlaki»* [Comprehension of the Russian reality in Z. Prilepin's collection "Flying Burlaks"]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 2019, vol. 12, no. 2, pp. 336-342. (In Russian).
14. Pushkin A.S. *Istoriya Pugacheva* [History of Pugachev]. (In Russian). Available at: <https://rvb.ru/pushkin/01text/08history/01pugachev/1063.htm> (accessed 02.08.2019).
15. Dal V.I. *Slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1980, vol. 4, 683 p. (In Russian).
16. Dal V.I. *Posloviцы russkogo naroda: v 2 t.* [Proverbs of the Russian people: in 2 vols.]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1984, vol. 1, 383 p. (In Russian).
17. Afanasyev A.N. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu: v 3 t.* [Poetic Views of the Slavs on Nature: in 3 vols.]. Moscow, Sovremennyy pisatel Publ., 1995, vol. 3, 415 p. (In Russian).

18. Dubovikov A.M. Ural'skoye Kazach'ye voysko kak voyenno-administrativnaya edinitsa i istoriko-kul'turnyy fenomen dorevolyutsionnoy Rossii [Ural Cossack army as a military and administrative unit and a historical and cultural phenomenon of pre-revolutionary Russia]. *Kazachestvo – The Cossacks*, 2015, no. 9, pp. 42-68. (In Russian).
19. Kochetkov A.P. Natsional'noye gosudarstvo v usloviyakh globalizatsii [National State in the Conditions of Globalization]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*, 2014, no. 4, pp. 63-75. (In Russian).
20. Korovin V.I. Poet i mudrec. K 250-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Krylova [The poet and the sage. To the 250th anniversary of the birth of I. A. Krylov]. *Literatura v shkole – Literature at School*, 2019, no. 6, pp. 2-8. (In Russian).
21. Chaadayev P.Y. *Otryvki i raznyye mysli (1828–1850-e gg.)* [Excerpts and Different Thoughts (1828–1850s)]. (In Russian). Available at: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0110.shtml (accessed 02.08.2019).

Информация об авторах

Гончаров Пётр Андреевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин социально-педагогического института. Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская область, Российская Федерация. E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

Вклад в статью: идея, концепция исследования, общая концепция статьи, обработка и редактирование материала, написание и оформление статьи, редактирование текста статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5063-9564>

Гончаров Павел Петрович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии социально-педагогического института. Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск, Тамбовская область, Российская Федерация. E-mail: pascha.gj2015@yandex.ru

Вклад в статью: идея, подбор первичного материала, поиск и анализ литературы, написание и оформление статьи.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3343-5281>

Конфликт интересов отсутствует.

Для контактов:

Гончаров Пётр Андреевич
E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.10.2019 г.
Поступила после рецензирования 10.12.2019 г.
Повторное рецензирование 27.12.2019 г.
Принята к публикации 14.01.2020 г.

Information about the authors

Petr A. Goncharov, Doctor of Philology, Professor, Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department of the Social and Pedagogical Institute. Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

Contribution: idea, study conception, main study conception, material processing and editing, manuscript drafting and design, manuscript text editing.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5063-9564>

Pavel P. Goncharov, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Social and Humanitarian Disciplines Department of the Social and Pedagogical Institute. Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: pascha.gj2015@yandex.ru

Contribution: idea, source material acquisition, literature search and analysis, manuscript drafting and design.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3343-5281>

There is no conflict of interests.

Corresponding author:

Petr A. Goncharov
E-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

Received 2 October 2019
Reviewed 10 December 2019
Second peer review round 27 December 2019
Accepted for press 14 January 2020